

Содержание

ISSN 2587-8190

Артем Трофимов. Многоязычие в литературной культуре петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича	335
Виолетта Арстанова. Записки Е. А. Сушковой (Хвостовой): К вопросу об объективности источника	354
Алексей Балакин. Из комментариев к «палладским» текстам И. А. Гончарова	364
Мария Лихинина. Историческая проза и романтическая историография: Образ Ивана Грозного в творчестве Н. И. Костомарова	372
Владимир Емельянов. Древняя Месопотамия в творчестве Сергея Прокофьева	391
Наталья Маркова. «Патмос» Б. К. Лившица и мистическая философия Я. Бёме	415
Юлия Козицкая. Конструирование автобиографического нарратива в творчестве советского национального писателя: Повесть «Мои мектебы» Сабита Муканова	429

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2018 XIV (4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2018 (4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018

© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Информация об авторах

Виолетта Арстанова, аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
violette_91@mail.ru

Алексей Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
balakin@inbox.ru

Владимир Емельянов, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
banshur69@gmail.com

Юлия Козицкая, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
y.kozitskaya@gmail.com

Мария Лихинина, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
maria_sarana@mail.ru.

Наталья Маркова, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
natellen16@gmail.com

Артем Трофимов, студент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
artem_trofimov_9@mail.ru

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНОВ
(Санкт-Петербург)

ДРЕВНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА

В статье раскрывается роль текстов и образов древней Месопотамии в творчестве композитора и писателя Сергея Прокофьева. Установлен первоисточник текста его кантаты «Семеро их», раскрыто происхождение рассказа «Блуждающая башня», показана связь увлечений Прокофьева месопотамскими сюжетами с событиями политической жизни России в 1917–1918 годах.

Ключевые слова: древняя Месопотамия, С. С. Прокофьев, К. Д. Бальмонт, «Семеро их», «Блуждающая башня», Г. Винклер.

The article reveals the role of texts and images of ancient Mesopotamia in the work of the composer and writer Sergei Prokofiev. The source of the text of his cantata «Seven, They Are Seven» is established, the origin of the story «The Wandering Tower» is revealed, the connection of his enthusiasm for Mesopotamian plots with the events of Russian political life in 1917–1918 is shown.

Key words: S. S. Prokofiev, C. Balmont, «Seven, They Are Seven», «The Wandering Tower», H. Winckler.

DOI 10.26172/2587-8190-2018-14-4-391-414

Поводом к этой работе стал неверный комментарий к либретто кантаты С. С. Прокофьева «Семеро их». Исследователь биографии Прокофьева Игорь Вишневецкий пишет:

Источником, очевидно, послужил древнемалоазиатский (хурритский) текст с именами богов, позаимствованными из месопотамской (шумеро-аккадской) традиции. Из известных богов у Бальмонта упомянуты: бог подземных вод и мудрости Эа, а также некая Никкаль (Нинггал у Бальмонта) — от имени аккадской Нингаль — супруги бога Луны Нанна и прежде царствовавший на небе подземный бог Алалу (Алал у Бальмонта). Кроме того, «алал», насколько известно, значит по-шумерски «разрушитель», «гигим» — «дух», «тэлал» — «воин», а «маским» — «ловец». Очевидно, специалист может дать более точные пояснения к тексту, нас же интересует, *что именно*

в 1916–1918 так привлекло Прокофьева в культуре древней Месопотамии.¹

Если давать комментарий к этому комментарию, то получается следующее:

1. Слово «очевидно» здесь неуместно. Хурриты никакого отношения к заговору не имеют. Дело в том, что в 1917–1918 годах, когда писалась кантата,² никто еще не знал, как переводить тексты с хурритского языка. Все реалии заговора — шумеро-аккадские. Но я понимаю, что сбило автора книги с толку.

2. Сбило его с толку имя «Алалу», которое упоминается в хеттском переводе хурритского текста «О царствовании на небесах». Перевод Вяч. Вс. Иванова был опубликован только в 1973 году, через 20 лет после смерти Прокофьева.³ Само же издание хеттского текста состоялось в 1946 году, через 28 лет после окончания кантаты.⁴ Но в заговоре не «Алалу», а «Алал» — неверное чтение шумерского демонического имени (я бы сказал, *демонима*) a_2-la_2 «ослабление руки».

3. «Нингал» у Бальмонта это вовсе не «Никкаль», а «Нин-ки-галь» (старое чтение имени Эрешкигаль) «госпожа Подземного мира». Просто опечатка, пропуск буквы в книге.

4. «Насколько мне известно» тоже поражает воображение. Все имена демонов переведены неверно.

5. Да, специалист может дать более точные пояснения. Вот и обращались бы к специалисту.

В 1917–1918 годах композитор С. С. Прокофьев написал кантату на шумеро-аккадское заклинание в переводе

¹ *Вишневецкий И. Г.* Сергей Прокофьев. М., 2009. С. 179. («Жизнь замечательных людей»); курсив автора. — В. Е.

² Сам автор называл свое произведение «халдейским заклинанием» и удивлялся, что кто-то назвал его кантатой. Об определении жанра произведения см.: *Редя В. Я.* «Кто додумался назвать кантатой?!» (О жанровой специфике «Семеро их» С. Прокофьева) // Музыкальное искусство. 2011. № 11. С. 33–43. Рукописи кантаты подробно изучены в статье: *Moron N.* Des manuscrits aux éditions de Sept, ils sont sept de Serge Prokofiev: Une histoire retracée // *Revue de Musicologie.* 2009. Т. 95. № 2. Р. 427–447.

³ Из цикла [«О царствовании на небесах»] / Перевод с хет. Вяч. Вс. Иванова // Пoesия и проза Древнего Востока / Общ. ред и вступ. ст. И. Брагинского. М., 1973. С. 246–247. («Библиотека всемирной литературы». Серия первая. Т. 1).

⁴ *Güterbock H. G.* Kumarbi. Mythen vom churritischen Kronos. Zürich; New York, 1946.

К. Д. Бальмонта «Семеро их».¹ Это заклинание является частью шумеро-аккадской заговорной серии «Злые духи». Основные источники вдохновения Бальмонта открылись мне после чтения одной записи в дневнике Прокофьева:

Работал я над «Семеро их» недолго, не больше получаса или часа в день и то не каждый день. Думал — очень много. Окончены были наброски пятнадцатого сентября, т. е. в двадцать дней, из которых семь работал, а пять не писал.

4 сентября — от начала до «7», до восклицания жрецами «Тэлал! Тэлал!».²

Кто такой Тэлал? Современной ассириологии такой демон неизвестен. Значит, ошибка чтения. Если задать в Гугле поиск «вавилонский демон Тэлал, Telal», то источники бальмонтовского переводческого вдохновения находятся сразу:

1. Клинописный текст заговора опубликовал в 1875 году Г. Раулинсон.³

2. Первое упоминание заговорной серии «Злые духи» встречается в книге Ф. Ленормана «Магия у халдеев»:⁴

Le demon mauvais, le alal mauvais, le gigim mauvais, — le telal mauvais, le dieu mauvais, le maskim mauvais, le fantome, le spectre, le vampire, l'incube, le succube, le servant, le sortilège mauvais, le philtre, le poison qui coule, ce qui est douloureux, ce qui agit, ce qui est mauvais, ... Esprit du ciel, souviens-t'en! Esprit de la terre, souviens-t'en!

1. Однако первый полный перевод заговорной серии сделал только Шарль Фоссе в книге «La magie assyrienne» (Paris, 1902). Именно по этой книге и был выполнен перевод

¹ О сотрудничестве Бальмонта и Прокофьева см.: *Потяркина Е. Е.* К. Д. Бальмонт и С. С. Прокофьев // Из наследия композиторов XX века: Материалы творческих собраний молодых исследователей в Союзе московских композиторов. 2006. Вып. 5. С. 108–120.

² *Прокофьев С. С.* Дневник: 1907–1933: [В 3 ч]. Paris, 2002. Ч. 1: 1907–1918. С. 670. Запись от сентября 1917 года. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в скобках с указанием даты дневниковой записи, номера части и страницы.

³ *The Cuneiform Inscriptions of Western Asia / Ed. by H. C. Rawlinson.* London, 1875. Vol. IV: A Selection from the Miscellaneous Inscriptions of Assyria. № 2a-b.

⁴ *Lenormant F.* La magie chez les Chaldéens et les origines Accadiennes: Les sciences occultes en Asie. Paris, 1874. P. 8.

Бальмонта. Однако Бальмонт объединил два разных заговора одной серии в один. Поскольку слева от перевода в издании Фоссе расположена транслитерация, то переводчик мог видеть ритмику заговора, в частности, повторение местоимения «они» (*šini*) в конце каждой строки аккадского текста. Это повлияло на особенность русского перевода, а в конечном счете — и на ритмику кантаты Прокофьева. Вот как выглядел доступный Бальмонту французский перевод (который не учитывал аккадскую ритмику):

31 Incantation. Ils sont sept, ils sont sept;
 33 dans les profondeurs de l'Océan, ils sont sept,
 dans le ciel, ils sont sept;
 37 dans les profondeurs de l'Océan, dans les Demeures,
 38 ils ont grandi.
 40 Ils ne sont ni mâles ni femelles;
 42 ils sont ceux qui secouent la tempête;
 44 ils ne prennent pas femme, ils n'engendrent pas
 d'enfant;
 46 ils ne connaissent ni la pitié ni la miséricorde;
 50 ce sont des chevaux qui ont grandi dans la montagne;
 52 ils sont les ennemis d'Ea;
 54 ils sont les guzalû des dieux;
 56 pour détruire le chemin, ils se tiennent dans les rues;
 57 ils sont méchants, ils sont méchants;
 59 ils sont sept, ils sont sept, ils sont deux fois sept.
 60 Au nom du ciel, qu'ils soient exorcisés, au nom de la
 terre qu'ils soient exorcisés.¹
 66 Incantation. Ils sont des tempêtes de nuées, des vents
 mauvais;

V a

2 la tempête funeste, l'ouragan ils les servent;
 4 la tempête funeste, l'ouragan ils vont devant.
 6 Ils sont les enfants parfaits, les fils parfaits,
 8 ils sont les messagers de Namtar;
 10 ils sont les guzalû d'Ereskigal;
 12 ils sont le tourbillon qui sur le pays se met on chasse.
 14 Ils sont sept, les dieux du vaste ciel;
 16 ils sont sept, les dieux de la vaste terre;
 17 ils sont sept, les dieux rapaces;
 18 ils sont sept, les dieux de l'univers;
 20 ils sont sept, les dieux mauvais;
 22 elles sont sept, les labartu mauvaises;

¹ Fossey C. La magie assyrienne. Paris, 1902. P. 208–211.

24 ils sont sept, les labaši fléaux mauvais;
26 dans les cieux, ils sont sept, sur la terre ils sont sept.
27 Utukku mauvais, alû mauvais, ekimmu mauvais, gallû
mauvais, ilu mauvais, rabišu mauvais,
28 au nom du ciel soyez exorcisés, au nom de la terre
soyez exorcisés!¹

2. Книги Ф. Ленормана и статьи его коллег отразились в оккультной и философской литературе России, а именно — в сочинениях Е. П. Блаватской и В. С. Соловьева.

Книга Е. П. Блаватской «Разоблаченная Исида» (1877):

Число *семь* — наиболее священное из всех и, несомненно, индусского происхождения. Все значительное исчислялось и приспособлялось к этому числу арийскими философами — идеи так же, как и местности. Поэтому у них были:

Сапта-риши, или семеро мудрецов, олицетворявших семь дилювиальных первобытных рас (последопотопных, как некоторые говорят).

Сапта-лока, семь низших и высших миров, откуда каждый из этих риши вышел и куда он возвратился во славе перед тем, как достичь окончательного блаженства Мокша.

Сапта-кула, или семь каст — брахманы считают, что они представляют собою непосредственных потомков самой высшей из них.

Затем также Сапта-Пура (семь святых городов); Сапта-Двипа (семь святых островов); Сапта-Самудра (семь святых морей); Сапта-Парвата (семь святых гор); Сапта-Аранья (семь пустынь); Сапта-Врукша (семь священных деревьев) и т. д.

В халдейско-вавилонском заклинании это число снова появляется столь же значительно, как у индусов. Это число *двойственно* по своим свойствам, т. е. будучи святым в одном из своих аспектов, оно становится отрицательным при других условиях. Поэтому мы обнаруживаем следующее заклинание, начертанное на ассирийских табличках, теперь столь правильно истолкованных.

«Вечер дурных предзнаменований, та область неба, которая приносит несчастье...

Весть о бедствии.

Осудители Нин-ки-гал.

Семь богов обширных небес.

Семь богов обширной земли.

¹ Ibid. P. 197–199.

Семь богов пламенеющих сфер.
 Семь богов небесного легиона.
 Семь богов пагубных.
 Семь призраков-дурных.
 Семь призраков злобных огней.
 Злой демон, злой *алал*, злой *гигим*, злой *телал*... злой
 бог, злой *маским*.
 Дух семи небес помни... Дух семи земель помни...
 и т. д.»¹

Статья В. С. Соловьева «Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки» (1890):

Тщетно бы мы стали искать в аккадийском пантеоне ясного различия между божествами природы и демонами анимистического происхождения. Все духи, заклинаемые в аккадийских гимнах, однородны; они различаются по месту своего действия и пребывания и по степени своего могущества, но не по существу. Нравственное их качество также неопределенно: духи одного и того же разряда могут в разных случаях являться добрыми и злыми. Нельзя отделить в аккадийской религии богов, которым молятся, от бесов, которых заклинают: заклинания относятся ко всем одинаково, и самые названия бог (ана) и дух (зи) употребляются безразлично для всех. Во многих гимнах призываются дух неба и дух земли, но иногда во множественном числе, и видеть тут какой-нибудь монотеизм нет ни малейшего основания. Если кому-либо из представителей аккадийского пантеона принадлежит первенство, то не духу неба, а духу земных вод — получеловеку-полурыбе — Эа. Это древнее халдейское божество, известное грекам под именем Оаннеса, с чертами стихийного духа соединяет черты предка-просветителя, и его семитическое название Нуах тождественно с именем библейского Ноя (Ноах по-еврейски).

Приводим из кирпичной библии три заклинательные гимна, в которых общий характер аккадийской религии обнаруживается с достаточною ясностью, хотя бы мы и признали французский перевод этих гимнов лишь приблизительно верным.

I. Зловещий вечер, полоса неба, производящая злополучие, день несчастный... посланцы чумы, опустошители земли, молния, свирепствующая над страной, семь богов широкого неба, семь богов широкой земли, семь богов

¹ Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида: В 2 кн. М., 2002. Кн. 2. С. 519–520; курсив автора. — В. Е.

огненных сфер, семь богов небесных воинств, семь зло-
вредных богов, семь злых привидений, семь зловредных
пламенных привидений, семь небесных богов, семь богов
земных, злой демон, злой *алаль* (здесь и далее курсив авто-
ра. — В. Е.), злой *гигим*, злой *телал*, бог злой, злой *маским*.

Дух неба, вспомяни! Дух земли, вспомяни!

Дух Муль-ге, царя земель, вспомяни!

Дух Нин-гелаль, владычицы земель, вспомяни!

Дух Нин-дар, сын зенита, вспомяни!

Дух Тис-ку, царица земель, блестящая в ночи, вспо-
мяни!¹

Таким образом, можно сказать, что тексты заговоров про-
тив Семерых давно уже фигурировали в русской оккультной
и философской литературе. Блаватская и Соловьев цитируют
только отрывки заговоров. Но Бальмонту в 1908 году досту-
пен уже весь французский перевод Фоссе 1902 года. Все трое
вслед за французами читают имя демона «Тэлал», *telal*. На
самом же деле это ошибка чтения. ТЕ читается как gal_5 , LAL
как la_2 . Получается gal_5-la_2 , «тюремный конвоир», ставший
в мифологии конвоиром и охранником мертвых.

Вся строка, в которой фигурирует Тэлал, переводится
с двух языков так: «Злой дух, злой демон, злой призрак,
злой сокрушитель, злой конвоир, злой бог, злой служака».
Но Бальмонт не знал об этом, как не знал и Прокофьев.

Итак, странное имя демона позволило нам установить
клинописный источник заговора. Бальмонту и Прокофьеву
этот текст был нужен для совершенно разных идеологических
программ. Если сам Бальмонт пишет, что в своих перево-
дах он хотел «побыть мечтой на всех мировых полях, и ото
всех вернуться обогащенным»,² то Прокофьева занимает
в десятые годы проблема скифства как источника древне-
русской культуры.³ И его интерес к скифству неожиданно

¹ Соловьев В. С. Первобытное язычество, его живые и мертвые остат-
ки // Собр. соч. 2-е изд. СПб., [1914]. Т. 6: (1886–1894). С. 229–230.

² Бальмонт К. Д. Зовы древности: Гимны, песни и замыслы древних:
Египет, Мексика, Майя, Перу, Халдея, Ассирия, Индия, Иран, Китай,
Океания, Скандинавия, Эллада, Бретань. СПб., [1908]. С. 8.

³ Калашиникова А. В. Сергей Прокофьев и скифские мотивы в культуре
Серебряного века: Автореферат дисс. ... канд. искусствоведения. Нижний
Новгород, 2008. С. 5–9. О скифском контексте кантаты «Семеро их» см.
с. 16–18.

перекрывается в 1917 году чувством нарастающей катастрофы современной ему российской цивилизации.

Переводчик несколько раз переделывал свое создание. Мы знаем две основных редакции его текста, опубликованные с разницей в 7 лет.

ХАЛДЕЯ. Аккадийская надпись. Разночтение первое.

Семеро, они рождаются там в горах Запада,
 Семеро, они вырастают в горах Востока;
 Они сидят на престолах в глубинах Земли;
 Они заставляют свой глас греметь на высотах Земли;
 Они раскинулись станом в безмерном пространстве Небес и Земли;
 Доброго имени нет у них в Небе, ни на Земле.
 Семь, они поднимаются между Западных гор;
 Семь, они ложатся в горах Востока, для сна.
 Семеро их! Семеро их!
 Семеро их в глубочайших тьмах Океана,
 В сокрытых вертепах.
 Они не мужчины, не женщины,
 Они простираются, тянутся, подобно сетям.
 Жен у них нет, и они не рожают детей;
 Благоговенья не знают они, благотворенья не знают;
 Молитв не слышат они, нет слуха у них к мольбам.
 Гады, возникшие между гор,
 Владыки великого Эа.
 На больших проезжих дорогах,
 Препоной вставая, ложатся они на пути.
 Враги! Враги!
 Семеро их! Семеро их! Семеро их!
 Дух Небес, ты закляви их!
 Дух Земли, ты закляви их!
 Они — день скорби, они — вредоносные ветры;
 Они — злополучный день, истребительный вихрь,
     Который идет перед ним;
 Они — порождение мщенья, чада, исчадия мести;
 Они — глашатаи страшной Чумы;
 Они — орудия гнева Нинкгаль;
 Они — пылающий смерч, который свирепо бесчинствует;
 Они — семь Богов безызымерного Неба;
 Они — семь Богов безызымерной Земли;
 Они — семь Богов огненных областей;
 Семь Богов, семь — их число;
 Они — семь зловредных Богов;
 Они — семь гениев Ужаса;
 Они — семь злых привидений Пламени;
 Семь в Небе, семь на Земле;
 Злой Демон, Злой Дух, Злой Алап, Злой Гигим,
     Злой Тэлап, Злой Бог, Злой Маским.

Дух Небес, заклЯни их!
Дух Земли, заклЯни их!
Дух Ниндара, сын Небес огневых, заклЯни их!
Дух Сугус, владычицы стран, что ночью горят,
заклЯни их!¹

Аккадийское заклинание. Второе разночтение.

Семеро их! Семеро их!
В глубине Океана семеро их!
В высотах небесных семеро их!
В горах Заката рождаются, семеро.
В горах Востока вырастают, семеро.
Сидят на престолах в глубинах Земли они.
Заставляют свой голос греметь на высотах Земли они.
Раскинулись станом в пространствах Небес и Земли они,
В сокрытых вертепах.
Семеро их! Семеро их!
Они не мужчины, не женщины,
Как ветер бродячий они.
Как сети, они простираются, тянутся.
Нет у них жен, не родят они сына.
Как кони они, что внезапно возникли меж гор.
Злые, из пропасти Эа.
Благоговенья не знают они, благотворенья не знают.
Молитв не услышат, нет слуха у них к мольбам.
На больших проезжих дорогах
Препоной встают, ложатся на путь.
Злые они! Злые они!
Семеро их! Семеро их!
Дважды семеро их!
Дух Небес, ты заклЯни их!
Дух Земли, ты заклЯни их!
Злые Ветры! Злые бури! Палящие Ветры они.
Вихрь, за которым проносится смерч.
Реющий вестник, за вестником Смерч.
Могучие чада, предвестники Мора.
За ними идет Нинггал.
Проломный они потоц.
Семь богов широкой Земли.
Семь разбойных богов с Небес.
Семь властных богов.
Семь злобных богов.
Семь веющих дьяволов.
Семь дьяволов злых утеснения.
Семь в Небе, семь на Земле;
Злой дьявол, Злой дух, Злой Алал, Злой Гигим,
Злой Тэлал, Злой бог, Злой Маским.

¹ *Бальмонт К. Д.* Зовы древности. С. 73–74.

Дух Неба, ты заклони их!
 Дух Земли, ты заклони их!
 Заклони их!¹

В 1927 году Бальмонт мистифицировал происхождение этого клинописного заговора. Вот что он писал в парижской газете под псевдонимом Мстислав, называя себя в третьем лице:

Во время раскопок, сделанных в Месопотамии, где раньше жили Аккадийцы, древний народ, чья история предшествует истории Вавилонян, были найдены и расшифрованы многие клинообразн[ые] надписи. Среди этих документов была найдена одна надпись на стене некоего Аккадийского храма. Надпись являла формулу заклинания, заговора против семи ужасающих демонов, которые, согласно Аккадийским понятиям, были делателями всех человеческих мучений (знаменитый ассириолог Винклер часто приводит эту надпись в своих исследованиях).² Мрачная и мистическая сила этого заклинания не однажды вдохновила великого Русского поэта Константина Бальмонта который написал на эту тему три поэмы. Последняя из трех, с незначительными изменениями, примечательным образом послужила для этой композиции Прокофьева. Тема соло тенора изображает закливающего жреца; хор — толпу фанатических, схваченных возбуждением правозверных. Кантата написана в 1917 году.³

На самом деле, Бальмонт, конечно, никогда в глаза не видел клинописной таблички, по которой сделан французский перевод. Его смутило название самого английского издания, по которому Фоссе его сделал: оно называлось «Исторические надписи Западной Азии». Вот Бальмонт и решил, что текст заговора — это надпись на стене храма.

Накануне Первой мировой войны культура древней Ассирии стала неожиданно актуальной для деятелей европей-

¹ Бальмонт К. Д. Поэзия как волшебство. М., 1915. С. 73–74.

² В книгах Г. Винклера о вавилонской культуре, впоследствии переведенных на русский язык, действительно есть переводы заговоров с упоминанием Семерых демонов: Винклер Г. 1) Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913. С. 85; 2) Вавилон, его история и культура. СПб., 1913. С. 89–90. Однако данного заговора в них нет.

³ Цит. по: Бальмонт К. Д. Письма из Франции / Публ. и предисл. А. Романова // Новый мир. 2017. № 6. С. 153 (впервые: Сегодня. 1927. № 35. 13 февр. С. 4. Подпись: Мстислав).

ской культуры. Фрагменты серии «Злые духи» приводит Г. Аполлинер в романе «La fin de Babylone» (1914), в главе 23 «Большое заклинание священной оргии»:

Le démon mauvais, le alal mauvais, le gigum mauvais,
Le telal mauvais, le maskim mauvais,
Le fantôme, le vampire, le spectre,
Le sortilège mauvais, le philtre,
Le poison qui coule,
Et tout ce qui est douloureux,
Et tout ce qui agit,
L'incube et le succube,
Mais non pas le servant,
La tête contre sa tête,
Le corps contre son corps,
Le sexe dans son sexe,
Les pieds contre ses pieds,
Et jamais ils ne les saisiront,
Et jamais ils ne reviendront.

Esprit du ciel, souviens-t'en!
Esprit de la terre, souviens-t'en!¹

В 1915 году Альберт Коутс пишет в России оперу «Ашурбанипал» и показывает ее партитуру Прокофьеву. С этого все и началось.

История написания кантаты известна из дневниковых записей самого композитора, сделанных в 1916–1918 годы:

Был вечером у Коутса в его милом и комфортабельном деревянном домике на 21-й линии. Он пригласил меня, чтобы сыграть мне свою оперу «Ашурбанипал». <...> Познакомился я с Бальмонтом, который запросто, в замусоленном пиджачке, пришёл к Коутсу и скоро был выгнан в другую комнату, так как своим разговором мешал играть оперу. Бальмонт переводит текст «Ашурбанипала» на русский язык, так как Коутс писал на немецком. (5 февраля 1916 года; I, 586).

После концерта собрались у меня, т. е. у Татьяны Николаевны, участники — Сувчинский, Игорь Глебов и Бальмонт с женой, присутствием коего я, и особенно Татьяна

---

¹ *Apollinaire G. La Fin de Babylone. Paris, 1914. P. 250–251. Источником послужил уже приведенный перевод Ф. Ленормана.*

Николаевна, были очень горды. Я ему обещал написать заклинание «Семеро их» для мужского голоса, хора и оркестра. На меня это заклинание производит сильное впечатление. (Февраль 1917 года; I, 637–638).

Итак, я отправился восьмого к нему (к Ф. И. Шаляпину. — *В. Е.*), чтобы поговорить о его взглядах на сцену и на оперу, но в парке столкнулся с Бальмонтом и так к Шаляпину и не попал. Бальмонт был со своей маленькой женой и десятилетней дочкой Миррой, ужасной шалуньей. Я к нему так и бросился, и Бальмонт тоже с удовольствием меня приветствовал. Мы заняли столики и потребовали шоколаду. Я его расспрашивал о «Семеро их» и излагал план будущего сочинения для драматического тенора (жреца), хора и оркестра, а он, как и зимою в Москве, говорил, что я смелый человек, если берусь за эту вещь. Я его спрашивал, допустим ли такой приём, когда хор, восклицая за жрецом последние слова из каждой фразы (например: «В глубине окна семеро их!»). Хор: «Семеро их!»), сделал следующее восклицание: Жрец: «Сидят на престолах Небес и Земли они!». Хор: «Земли они!» Ибо «Земли они!» по существу бессмыслица. Но так как восклицания хора следуют после каждой фразы, то Бальмонт нашёл, что «Земли они!» вполне естественно и в этом нет ничего плохого. (Август 1917 года; I, 665).

После завтрака Бальмонт, по моей просьбе, прочёл «Семеро их». Читал он, стараясь подчёркивать ужас содержания и импрессионировать им, но, хоть читает он превосходно, получилось всё же менее потрясающе, чем я задумывал. Однако некоторые особенности его чтения я постарался запомнить, чтобы впоследствии соответственно передать в музыке. Таковы: начало — страшным шёпотом, также ритм и интонации в словах «семеро их», «семеро», «земли они!». После «Семеро их» Бальмонт прочёл ещё «Малайское заклинание», превосходное, хотя далеко не такое потрясающее, как это халдейское. По-моему, это одна из самых страшных вещей, которая когда-либо была написана. И недаром она после тысячелетий вышла из-под земли, в виде загадочных клинообразных знаков, чтобы снова зазвучать, и быть может, ещё грознее, чем некогда! Бальмонт в трёх своих книгах по-разному излагал её и предложил мне выбрать любой из трёх текстов и даже комбинировать их. (Август 1917 года; I, 666–667).

Партитура симфонии быстро шла вперёд и около десятого оказалась законченной. Но гораздо более важным

сентябрьским событием было сочинение «Семеро их». Это вещь, которую я давно задумал, к которой давно подходил и, когда я, наконец, за неё взялся, то заранее чувствовал, что выйдет нечто замечательное. Уже какие-то планы, какие-то мысли были, я знал, что я хочу, я как-то это чувствовал, но ничего конкретного ещё не существовало. Четвёртого сентября я, наконец, принялся за работу. Таким способом я ещё не писал ни одной вещи. Здесь я записывал не музыку, а какие-то общие контуры, иногда одну голосовую партию, или писал не нотами, а графически, общий рисунок и оркестровку.

Увлекался я безумно и иногда, доходя до кульминационного пункта увлечения, должен был останавливать работу и идти гулять, чтобы успокоиться, а то сжималось сердце. Работал я над «Семеро их» недолго, не больше получаса или часа в день и то не каждый день. Думал — очень много. Окончены были наброски пятнадцатого сентября, т. е. в двенадцать дней, из которых семь работал, а пять не писал.

4 сентября — от начала до «7», до восклицания жрецами «Тэлал! Тэлал!»

7 сентября — всего два текста, до оркестрового fortissimo.

8 сентября — до «Злы они!» включительно (между «11» и «12»),

9 сентября — до женского унисона: «Дух небес!»

13 сентября — «Дух небес!» и «Дух земли!», женский и мужской эпизод, до «18».

14 сентября — до четырёхкратного повторения «Семеро их!» (после «28», причём в этот день предполагалось, что «Семеро их!» повторится лишь двукратно).

15 сентября — добавлено ещё два раза «Семеро их!» и дописано до конца, причём заключение уже было задумано раньше, дней пять назад.

Но набросок был очень неполный и поверхностный. Точнее всего были представлены голосовые партии, хоровая и главнейшие черты инструментовки. На контрапунктические рисунки существовали лишь указания, а гармонии существовали в немногих листах. В других она была набросана случайно и непродуманно, так как отвлекаться на неё, значило отвлекаться от общих контуров пьесы. Зато общий скелет был сочинён сразу, раз и навсегда и впоследствии не подвергался никакому изменению. Из гармонии существовали и так и остались следующие места: первый аккорд, до «семь-мерро их», на котором производится дальнейшее закливание, и последняя квинта фа-до. В эпизоде «Дух небес!» — женском и «Дух земли!» — мужском мелодичные линии остались без изменений, но в женской части весь аккомпанемент был обозначен не нотами, а просто

восходящими и падающими линиями; в мужской части впоследствии была переделана гармония. Дальше, начиная от «Злые ветры! Злые бури!» вся гармония носила случайный характер и в дальнейшем переделывалась несколько раз, пока не приняла своего окончательного вида. В таком виде оказался первоначальный набросок. Я был доволен и отложил его в сторону. И хотя предстояла ещё огромная работа, но там вопрос техники и изобретательности, главный же замысел со страшным напряжением был зафиксирован скелетом. Без меня никто бы не разобрался в нём, зато для меня главное уже было готово. (Сентябрь 1917 года; I, 670–671).

Сведения о большевиках: их победы и вандализм по всей России. Бойня в Москве. Снаряд, попавший в квартиру, где я должен был остановиться. Снаряд третьего вечером, я приезжал третьего утром, но возможно, что и не попал бы. То-то умница, что не поехал!

Моё состояние.

Отношения к событиям.

Странное спокойствие. Я как-то считал это неизбежным, чем-то, что должно перекипеть и переболеть, и как-то не было лица, за судьбу которого я болел бы. <...>

Канта я в основных чертах усвоил, но он давил вспомогательными понятиями, новыми терминами и крайней сложностью всей постройки. Зато с какой радостью, прямо благоговением, я взялся за «Мир как воля и представление» моего любимого Шопенгауэра! А параллельно с этим, после 4-й Сонаты, десятого ноября я принялся за подробный эскиз к «Семеро их». Поверхностные сентябрьские наброски, скелет которых так и остался ни на ноту неизменённым, были за это время пополнены гармонически, а теперь заполнилось всё живое тело, вся фактура и инструментовка. Приходилось двигаться медленно, были большие трудности, надо было брать целые крепости, но эскизы неуклонно шли вперёд.

Между тем, междоусобица по всей России заставила отменить один концерт за другим, и к концу месяца я окончательно застрял в Кисловодске.

Мелькнул анархист, который уже успел побывать в Петрограде, прошмыгнул по всей России, кинулся мне в объятия. Я не знал, анархист ли он или аферист, но мне было приятно его отношение ко мне. Обещал вернуть деньги и исчез, не вернув ничего.

Двадцать четвёртого моё переселение в большой солнечный номер. Утренний гимн в солнечных лучах.

Выборы в Учредительное собрание. (Венера-Юпитер-Сириус-Луна). (Ноябрь 1917 года; I, 677).

Окончил эскиз «Семеро их» (тринадцатого). (Декабрь 1917 года; I, 677).

Начало января, занятия: «Семеро их». Ошибки. (Январь 1918 года; I, 681).

Теперь обратимся к оригиналу и его реалиям. Бальмонт сложил свой перевод из фрагментов различных заклинаний, входящих в одну и ту же пятую таблицу серии *Утукку лемнуги* «Злые духи». Вот как выглядит шумеро-аккадский текст в современной транслитерации и в подстрочном русском переводе:

UDUG.ĜUL 5

167 é¹n imin-na-meš imin-na-meš
si-bit-ti šú-nu si-bit-ti šú-nu

Заговор. Семеро их, семеро их.

168 idim abzu-ta imin-na-meš
ina nag-bi ap-si-i si-bit-ti šú-nu

В источниках Бездны семеро их.

169 še-er-ka-an-du₁₁-ga-na imin-na-meš
zu-u'-nu-tú ina AN-e si-bit-ti šú-nu

Прекрасных в Небе семеро их.

170 idim abzu-ta agrun-ta è-a-meš
ina na-qab ap-si-i ina ku-um-me ir-bu-ú šú-nu

В источниках Бездны в целле выросли они.

171 ù munus nu-meš ù nita nu-meš
ul zi-ka-ru šu-nu ul sin-niš-a-tu₄ šú-nu

Не женщины они, не мужчины они (аккад.: не мужчины они, не женщины они).

172 e-ne-ne-ne líl-lá bu-bu-meš
šu-nu za-qí-qu mut-taš-ra-bi-tu-tú šú-nu

Они — духи, бродячие они.

173 dam nu-tuku-a-meš dumu nu-tu-ud-da-meš
áš-šá-tú ul iḡ-zu ma-ri ul al-du šú-nu

Жены не имеют, сыновей не родят они (аккад.: жены не берут, сына не родят они).

174 ḡar šu ak-ak-da nu-zu-meš
e-ḡe-ra ga-ma-lu ul i-du-u

Жалости, милости не знают.

175 a-ra-zu siskur-ra ḡiš nu-tuk-a-meš
ik-ri-ba téš-li-ta ul i-šem-mu

Молитвы, прошения не слышат.

176 anše-kur-ra ḥur-saġ-ta è-a-meš

si-su-ú šá ina KUR-i ir-bu-u šú-nu

Кони лесистой горы они. (аккад. «кони, что на горах выросли, они»)

177 ʹen-ki-ke₄ sis-si-meš gu-za-lá dingir-re-e-ne-meš

šá ʹé-a lem-nu-ti šú-nu gu-za-lu-ú šá DINGIR. MEŠ šú-nu

Эа (гонцы) злые они, держатели трона великих богов они.

178 e-sír-ra lù-lù-a sila-a gub-ba-meš

su-la-a ana da-la-ḥi ina su-qi it-ta-na-za-zu šú-nu

На улице для путаницы, на площади тянутся они.

179 sis-si-meš sis-si-meš

lem-nu-ti šú-nu lem-nu-ti šú-nu

Злые они, злые они.

180 imin-na-meš imin-na-meš imin a-rá-min-na-meš

si-bit-ti šú-nu si-bit-ti šú-nu si-bit a-di ši-na šú-nu

Семеро их, семеро их, семеро на два их.

181 zi an-na ḥé-pà-dè-eš zi ki-a ḥé-pà-dè-eš

[niš šá-me-e lu-u ta-ma-ta niš er-še-ti lu-u ta-ma-ta]¹

Душой Неба пусть закланы, душой Земли пусть закланы!

76 én u₄-šú-uš im-ḥul dí-m-ma-a-meš

u₄-mu ur-pu-tu₄ šá-a-ri lem-nu-tu₄ šú-nu

Бури мрачные, ветры злые они.

77 u₄ ḥul im-ḥul igi-du₃-a-meš

u₄-mu šá ḤUL-tì im-ḥul-lu a-me-ru-ti šú-nu

Бури злые, ураганы злые видимые они.

78 u₄ ḥul im ḥul igi-du-a-meš

u₄-mu šá ḤUL-tì im-ḥul-lu a-lik maḥ-ri šú-nu

Бури злые, ураганы злые, идущие впереди, они.

79 dumu dili-a-meš ibila dili-a-meš

ma-ru-ú gít-ma-lu-tu₄ ap-lu gít-ma-lu-tu₄ šú-nu

Сыновья совершенные, наследники совершенные они.

80 lú-kin-gi₃-a hl-lá-da-ra-a-meš

DUMU. MEŠ šip-ri šá nam-ta-ri šú-nu

Вестники демона чумы они.

81 gú-za-lá ʹereš-ki-gal-a-meš

gu-za-lu-ú šá ʹereš-ki-gal šú-nu

Держатели трона Эрешкигаль они.

82 a-má-uru₃ kalam-ma niġin-na-meš

a-bu-bu šá ina KUR iṣ-ša-nun-du šú-nu

¹ Geller M. J. Evil Demons: Canonical Utukkū Lemnūtu Incantations. Helsinki, 2007. P. 125–126. (State Archives of Assyria. Cuneiform Texts. Vol. 5).

Потоц, в Стране вихрящийся, они.

83 imin-àm dingir an daġal-la-meš
si-bit DINGIR. MEŠ AN-e rap-šú-ti

Семеро богов Неба Широкого.

84 imin-àm dingir kalam-ma daġal-la-m[eš]
si-bit DINGIR. MEŠ ma-a-ti ra-pa-dš-ti

Семеро богов Земли Широкой.

85 imin-àm dingir ur₄-ur₄-re-meš
si-bit DINGIR. MEŠ maš-ší-i'-ú -ti

Семеро богов мародерствующих.

86 imin-àm dingir imin-àm
si-bit DINGIR. MEŠ kiš-šá-ti

Семеро богов вселенной.

87 imin-àm dingir ħul-a-meš
si-bit DINGIR. MEŠ lem-nu-tu₄

Семеро богов злых.

88 imin-àm ^dđim-me ħul-a-meš
si-bit la-maš-tu₄ lem-nu-tu₄

Семеро Ламашту злых.

89 imin-àm ^dđim-me-a šed₇-dè ħul-a-meš
si-bit la-ba-ši li-i'-bu lem-nu-tu₄

Семеро Лабацу (и) Либу злых.

90 an imin-àm ki imin-àm
ina AN-e si-bit ina KI-ti si-bit-ma

В Небе семеро, на Земле семеро.

91 udug ħul a-lá ħul gedim ħul gal₅-lá ħul dingir ħul maškim ħul
[ú-tuk-ku lem-nu a-lu-u lem-nu e-ṭim-mu lem-nu gal-lu-u lem-nu
i-lu lem-nu ra-bi-šu
lem-nu]

Демон злой, сокрушитель злой, призрак злой, конвоир злой, бог злой, служка злой.

92 zi an-na hé-pà zi ki-a hé-pà
[niš AN-e lu-u ta-ma-ta niš er-še-ti lu-u ta-ma-ta]¹

Душой Неба пусть закляты, душой Земли пусть закляты!

Семеро злых демонов считались в новоассирийское время господами конца года и управляли XII месяцем стандартного вавилонского календаря (Addagu, февраль–март), связанным с увеличением инфекционных заболеваний после затопления суши в период сезона дождей: ŠE šá IMIN-bi

¹ Ibid. P. 121–122.

DINGIR. MEŠ GAL. MEŠ «(Месяц) Аддару (принадлежит) Семерым — богам великим» (*Iqqur-irūš* 105: 12).¹ Поскольку дошедшие до нас таблички с упоминанием Семерых датируются последней фазой Новоассирийского периода истории Месопотамии (IX–VII века), то здесь отражены именно синхронные представления о Семерых как маркерах конца времен. Характерно, что все календарные месяцы древней Месопотамии связаны с культами либо мужских, либо женских божеств, и только XII месяц отдан бесполом существам, не имеющим потомства. Это и есть знак конца мира.

Прокофьев строит свое произведение именно как заговор, существующий внутри ритуала. А. В. Калашникова пишет:

«Семеро их» строится как замкнутое ритуальное действие со своей логически выстроенной восходящей линией драматургии. Драматический тенор исполняет роль жреца, а хор выступает воплощением коллективного, массового начала. Как и в экспрессионистском театре, участники ритуала в Кантате не обладают индивидуальностью в традиционном смысле слова, являясь, прежде всего, воплощением «психических сил». Как известно, Прокофьев использовал не оригинальный текст стихотворения К. Бальмонта, но сделал на его основе собственный вариант. Уже на этапе работы с поэтической основой Прокофьев, по-видимому, заботился об усилении внутренней динамики. Сохранив большую часть текста, он ритмически заострил его, сделав изложение более концентрированным, а сам стих упругим, хлестким. Материал «Халдейского заклинания» Бальмонта был им в значительной степени систематизирован и стал изложен структурно более четко. Изменилась и сама поэтическая интонация, что нашло «материальное» выражение в тотальной восклицательности.²

Версия либретто Прокофьева:

Тэлал! Тэлал! Тэлал! Тэлал!
Семеро их! Семеро их!
В глубине Океана семеро их!
В высотах Небесных семеро их! Семеро их!

¹ Емельянов В. В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб., 1999. С. 138, 140.

² Калашникова А. В. Сергей Прокофьев и скифские мотивы в культуре Серебряного века. С. 16–17.

В горах Заката рождаются семеро, семеро.
В горах Востока вырастают семеро. Семеро!
Сидят на престолах в глубинах
Земли они, Земли они.
Заставляют свой голос греметь на высотах
Земли они. Земли они!
Раскинулись станом в безмерных пространствах
Небес и Земли они. Земли они!
Семеро их! Семеро их! Семеро их! Семеро их!
Семеро их, семеро их, семеро, семеро, семеро их,
Семеро, семеро, семеро их, семеро, семеро их!
Семеро их! Семеро!
Тэлал! Тэлал! Тэлал! Тэлал!
Семерро их, семерро их, семерро их, семерро их и т. д.

Они не мужчины, не женщины;
Нет у них жен, не родят они сына.
Как ветер бродячий они.
Как сети, они простираются, простираются,
тянутся, тянутся.

Злые они! Злые они!
Благодворенья не знают они. Стыда не имеют они.
Молитв не услышат:
Нет слуха у них к мольбам.
Они уменьшают небо и землю.
Они запирают, как дверь, целые страны.
Мелют народы, как эти народы мелют зерно.
Семеро их! Семеро их! Семеро их! Семеро их!
Дважды семеро их!
Дух небес, Дух небес, Дух небес, ты закляви их!
Закляви! Закляви! Закляви!
Дух земли! Дух земли! Дух земли, ты закляви их!
Закляви! Закляви! Закляви!
Злые Ветры! Злые Бури!
Палящий вихрь! Пылающий смерч!
Они день скорби! Они день мщенья!
Они глашатаи страшной чумы!
Семь богов безызмерных Небес!
Семь богов безызмерной земли!
Семь властных богов!
Семь злобных богов!
Семь хохочущих дьяволов!
Семь гениев ужаса!

Семь их число, семь их число,
 Семь их число!
 Злой Тэлал! Злой Алал!
 Злой Гигим! Злой Маским!
 Злой бог! Злой дух! Злой демон!
 Семеро их! Семеро их! Семеро их! Семеро их!
 Закляни их, Дух небес!
 Семеро их! Семеро их! Семеро их!
 Закляни их, Дух земли!
 Семеро их! Семеро их!
 Тэлал! Закляни, закляни! Закляни! Закляни!
 Ты, дух Небес, ты закляни их, закляни их, закляни!¹

О дальнейшей истории кантаты сообщает нам биограф:

Он (Прокофьев. — *В. Е.*) продолжал улучшать произведение до самого начала 1930-х годов. Изданная в 1922 году в РСФСР по сохранившимся в национализированном московском отделении Российского музыкального издательства Сергея Кусевицкого корректурным доскам кантата была в 1933-м пересмотрена композитором и заново издана — в виде клавира — в РМИ. Прокофьев писал издателя кантаты и её — в будущем — первому исполнителю дирижёру Сергею Кусевицкому 13 декабря 1922 года из Эттала: «Я очень горжусь «Семерыми» и считаю, что они произведут гораздо большее впечатление, чем «Скифская сюита», Третий концерт и прочие вещи». А когда исполнение кантаты оказалось отложенным на несколько сезонов — она впервые прозвучала только в мае 1924-го, в Париже, где Кусевицкий проводил серию специальных симфонических концертов, — композитор с решительной настойчивостью написал 17 сентября 1923 года секретарю «Концертов Кусевицкого» в Париже Владимиру Цедербауму: «...этому произведению я придаю значение гораздо большее, чем всем моим многочисленным концертам, вместе исполненным, и считаю, что для меня, а может быть, и для русской музыки, чрезвычайно важно, чтобы оно было как можно скорее дано.»²

Во время написания кантаты Прокофьев начинает читать книгу Гуго Винклера о вавилонской культуре. Следует отметить, что в книге Винклера Прокофьев во второй раз

¹ *Вишневецкий И. Г.* Сергей Прокофьев. С. 178–179.

² Там же. С. 189.

встречается с отрывками заговоров про Семерых демонов.¹ Но кантату он пишет только на перевод Бальмонта, не меняя своего замысла.

Результатом чтения книги о вавилонской культуре стал рассказ «Блуждающая башня» (Сибирский экспресс — Токио, 12 мая — 8 августа 1918 года). Его фабула сводится к тому, что ассириолог Марсель Вотур добыл на раскопках Месопотамии уникальные сведения, опровергавшие данные Ветхого Завета, и зафиксировал их в своей записной книжке.² Но от этих записей Эйфелева башня сорвалась с места и пошла в Германию, а потом взлетела. Вотур порвал книжку — и башня спустилась. А потом сгорела его библиотека — и башня встала на место.³

Дневник Прокофьева:

Писал «Блуждающую башню». Кажется, на днях кончу. Я к ней было остыл, но книжка о Вавилоне (Винклер. — В. Е.) вернула симпатии. (17/30 июля 1918; I, 718).

Истоки концепции рассказа — в первом путешествии Прокофьева в Париж:

Мы пошли в вагон-ресторан завтракать и заняли столик с двумя иностранными дамами. И тут случилось забавное вавилонское смешение языков: одна из дам, живая и бойкая, говорила по-немецки и по-французски; другая, моя соседка, интересная барышня, — по-немецки и по-английски; я говорил по-французски и с трудом по-немецки; мама понимала по-немецки, но говорила по-французски; кроме того, мы с мамой объяснялись по-русски. Выходило ужасно смешно, потому что мы вели общий разговор, постоянно путались, обращаясь друг к другу не на том языке, поправлялись, переводили и обращались к гарсону, то по-немецки, то по-русски, между тем как он иначе как по-французски не понимал. От тряски тарелки стремились под стол, а воду нельзя было ни налить, ни выпить.

¹ *Винклер Г.* Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913. С. 85.

² За Вотуром виден все тот же Винклер, принадлежавший к кругу панвавилонистов, заявлявших, что их исследования исправляют неверные сведения Ветхого Завета.

³ *Прокофьев С. С.* Блуждающая башня // Прокофьев С. С. Рассказы. М., 2003. С. 53–72.

<...> В пятом часу мы стали подъезжать к Парижу. По левую руку замаячила Эйфелева башня, всегда очень меня интересовавшая. Затем мы перерезали укрепления, защищавшие город от немцев, что дало мне повод представить, как эти последние бомбардировали Париж, и причалили к дебаркадеру Gare du Nord. Носильщика добыли с величайшим трудом, долго ждали таможенного осмотра багажа, который свёлся к вопросу, нет ли у нас табака, и наконец, погрузившись в автомобиль, поехали по улицам Парижа.

— Вот он, Париж! — сказала мама, выезжая из ворот Gare du Nord, и, критически осмотревшись по сторонам, прибавила:

— Ничего особенного. (2 июня 1913 года; I, 298).

Затем мы были на Эйфелевой башне. Она меня интересовала с самого раннего детства, лет с семи. Это вполне естественно для ребёнка; но этот интерес сохранился и до сих пор. Ещё уезжая из Петербурга, я обещал всем моим знакомым прислать о башне открытку; теперь, взобравшись на неё, я послал не более не менее как двадцать девять — всем, кому стоило. (3–8 июня 1913 года; I, 301).

Таким образом, рассказ сложился из интереса к Эйфелевой башне и из представления о многоязычии как о вавилонском смешении языков, усвоенном из Библии. Ничего специфически вавилонского в нем нет, хотя его написание и сопровождалось чтением книги Винклера о вавилонской культуре.

Однако следует сказать о том, что Прокофьеву был присущ стихийный интерес к культуре древней Месопотамии, чему способствовали его увлечение астрономией и историей древнего мира:

Теперь помимо музыки. Я очень заинтересовался звёздами. Астрономия меня всегда тянула к себе. Теперь я раздобыл книжку Игнатьева и с увлечением стал изучать звёздное небо, запоминая названия и рисуя созвездия на бумаге. (23 октября 1916 года; I, 624).

Идя от Бальмонта, любовался звёздами. Наконец-то отёрнулся облачный полог — и какая радость было увидеть и красавца Ориона, и красный Альдебаран, и красный Бетельгейзе, и чудный зеленовато-белый бриллиант Сириуса. Я смотрел на них новыми, открывшимися глазами, я узнавал их по заученным расположениям на звёздных картах — и будто какие-то нити связывали меня с небом! Было четыре часа ночи, надо было спать, а белый Сириус

стоял прямо перед окнами и не давал глазам оторваться от него! (7 ноября 1916 года; I, 623).

Моё астрономическое увлечение к весне увеличилось. Конечно, при вечно облачном петроградском небе видеть звёзды можно было только в виде особого подарка, но всё же ко времени моего выселения на дачу я главнейшие звёзды знал настолько, что узнавал их не по взаимному расположению, а просто так, «в лицо» каждую отдельно. Я решил купить себе телескоп и поставить его на балконе дачи, чтобы наблюдать звезды ночью. (Май 1917 года; I, 650).

Пошёл к Андрееву играть в бридж и, в сущности, напрасно, так как небо очистилось от облаков и было «телескопично». В созвездии Тельца столпились все планеты: Марс, Венера, Юпитер. Не надо было откладывать, иначе дальше в мае Телец будет на небе в течение дня, и ночью его не будет видно. (Май 1917 года; I, 651).

Настроение хорошее, хотя немного пёстрое. Читаю «Вавилонскую культуру» Винклера. Пишу открытки. (25 апреля/8 мая 1918 года; I, 700).

Ночью чудесный Скорпион с красным Антаресом. Здесь всё созвездие сияет полностью и действительно похоже на страшного мистического зверя. (18 июня/1 июля 1918 года; I, 713).

Взялся опять за книжку о Вавилоне. Поразительно интересно. (16/29 июля 1918 года; I, 718).

Не совсем выспавшись, утром выехал в Марсель на концерт. Двенадцать с половиной часов езды в рапиде, — очень хорошо и быстро в поезде — но как утомительно! По дороге читал «Вавилон» Мережковского и очень увлекался мифом Гельгамеша.¹ Вот на что можно было бы написать ораторию, как Онеггер, — и насколько это интересней! Только без промежуточных чтений, а только с мелодраматической! Была бы денежная возможность, — и я бы ещё вернулся к этой мысли. (20 марта 1924 года; II, 246).

Таким образом, мы видим, что интерес Прокофьева к месопотамской тематике имеет весьма разнообразные источники, существовавшие в период Серебряного века (1908–1923): европейский поэтический ориентализм (Бальмонт, Аполлинер),

¹ *Мережковский Д. С.* Тайна трех; Египет и Вавилон. Прага, 1925. О концепции Гильгамеша у Мережковского см.: *Емельянов В. В.* Гильгамеш: Биография легенды. М., 2015. С. 289–295. («Жизнь замечательных людей»).

интерес классических композиторов к восточной тематике (опера «Ашурбанипал» Альберта Коутса), книги Г. Винклера и Д. С. Мережковского о вавилонской цивилизации. С этими внешними источниками совпал и собственный интерес Прокофьева к звездному миру и астрономии, созвучный с мироощущением шумеров и вавилонян. Катастрофу 1917 года Прокофьев ощутил как нападение болезнетворных демонов Подземного мира на мир живых, т. е. в полном соответствии с тем, как ощущали политические потрясения своего времени новоассирийские писцы-астрологи, для которых Семеро были владыками конца года и конца жизни. Что же касается рассказа «Блуждающая башня», то, вопреки своему вавилонскому антуражу, он был вызван юношескими впечатлениями композитора, впервые попавшего в Париж накануне Первой мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вишневецкий И. Г.* Сергей Прокофьев. М., 2009. («Жизнь замечательных людей»).
2. *Емельянов В. В.* Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб., 1999.
3. *Емельянов В. В.* Гильгамеш: Биография легенды. М., 2015. («Жизнь замечательных людей»).
4. *Калашникова А. В.* Сергей Прокофьев и скифские мотивы в культуре Серебряного века: Автореферат дисс. ... канд. искусствоведения. Нижний Новгород, 2008.
5. *Потяркина Е. Е.* К. Д. Бальмонт и С. С. Прокофьев // Из наследия композиторов XX века: Материалы творческих собраний молодых исследователей в Союзе московских композиторов. 2006. Вып. 5. С. 108–120.
6. *Редя В. Я.* «Кто додумался назвать кантатой?!»: (О жанровой специфике «Семеро их» С. Прокофьева) // Музыкальное искусство. 2011. № 11. С. 33–43.
7. *Fossey C.* La magie assyrienne. Paris, 1902.
8. *Geller M. J.* Evil Demons: Canonical Utukkū Lemnūtu Incantations. Helsinki, 2007. (State Archives of Assyria. Cuneiform Texts. Vol. 5).
9. *Güterbock H. G.* Kumarbi: Mythen vom churritischen Kronos. Zürich; New-York, 1946.
10. *Moron N.* Des manuscrits aux éditions de Sept, ils sont sept de Serge Prokofiev: Une histoire retracée // Revue de Musicologie. 2009. Т. 95. № 2. Р. 427–447.